

Санкт-Петербургскому
УНИВЕРСИТЕТУ

275 лет

УНИВЕРСИТЕТ В ЛИЦАХ

Академик А.Н. Теренин: «Наука – вот моя религия!»

Из досье "СПбУ"

Александр Николаевич ТЕРЕНИН, академик-секретарь отделения биохимии, биофизики и физиологии биологически активных соединений АН СССР.

Родился в 1896 г.

1954 г. – награжден золотой медалью АН СССР им. С.И. Вавилова.

1966 г. – присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Лауреат Государственных премий (в том числе – за участие в атомном проекте). Почетный член Французского общества физической химии и Английского химического общества. Представитель СССР в международной комиссии по молекулярной структуре и спектроскопии Международного союза чистой и прикладной химии.

Знаменитый советский физик Александр Николаевич ТЕРЕНИН был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1932 году, в 36 лет. А в 1939-м он стал академиком — в 43 года! Но между тем, в юности он вовсе не собирался становиться физиком. В своем дневнике 17-летний Шура Теренин записал: "Дилемма такая — техническое или общественное образование".

Воздухоплавание, неврология и винтовки

Заканчивая Калужское реальное училище в 18 лет, Теренин решил поступать в университет на историческое отделение, еще через два месяца — на юридический факультет. Но ему мало было какого-то одного образования. И в августе 1914 года он принял окончательное решение: поступать в Психоневрологический институт на один год, перейти на физико-математический факультет университета, а затем — в Технологический институт. Юношу интересовало многое: история и театр, физика, химия и философия, инженерные науки и музыка, юриспруденция, литература и... воздухоплавание.

Последнее как раз понятно — Александр родился и прожил 18 лет в Калуге, в его Калужском реальном училище в 1897 году математику преподавал Циолковский. Но 16-летний Александр Теренин познакомился с 55-летним Константином Эдуардовичем Циолковским позже, в годы бурного развития воздухоплавания, когда почти все мальчишки увлекались аэропланами. Смастерив модель самолета, Шура пошел к ученому посоветоваться, как сделать ее полегче. "Меня больше всего удивила и обрадовала мысль, что наш К.Э. Циолковский, наш знаменитый Циолковский, безвестный в Калуге, но знаменитый в Европе, получил только начальное образование. Поистине он гениальный человек. Калужане должны быть ему благодарны..." — восторженно записал он в дневнике. В то время работы великого ученого вызвали насмешки обывателей — преподавание математики в училище в 1897 году ему пришлось оставить, поскольку начальство не одобряло учителя, не имеющего диплома о высшем образовании.

Теренин едет в Петербург и поступает, согласно своему плану, в Психоневрологический институт, на основной факультет.

Через год его призвали в армию. Но на фронт не попал, его направили сначала на Военно-химические курсы, а затем на Петроградский патронный завод. В 1916 году Теренин стал вольнослушателем физико-математического факультета Петроградского университета. Одновременно он работал на заводе помощником начальника цеха, а потом артиллерийским техником-

лаборантом в Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства, которая была создана по инициативе Д.И.Менделеева. Первый опыт самостоятельной исследовательской работы Теренин получил здесь: он расшифровал природу трофейного светящегося состава, наносимого немцами на мушки винтовок в действующей армии.

Лаборант у Мефистофеля

В январе 1919 года на втором курсе университета Теренин был зачислен в особую группу "младших лаборантов при мастерских" только что созданного Государственного оптического института. Можно уверенно сказать, что это событие повернуло всю его жизнь. Профессор Д.С.Рожественский, директор Физического института Петроградского университета, как раз в то время реформировал обучение физиков. Впервые в стране физиков и математиков стали готовить раздельно с самого первого курса, причем физиков стали ориентировать не только на дальнейшее преподавание в учебных заведениях, но и на научные исследования. Лаборатории Физического института и ГОИ были при этом прекрасным тренажером для будущих исследователей. Чтобы понять, насколько удачен был выбор Рожественским способных студентов, достаточно перечислить известных физиков, которые учились в одной группе с Александром Терениным: будущий академик В.А.Фок, (один из крупнейших физиков-теоретиков нашего века), члены-корреспонденты Е.Ф.Гросс (открыл экситон: пару "электрон-дырка", которая движется по кристаллической решетке) и С.Э.Фриш (атомная спектроскопия), профессора Ф.Л.Бурмистров, К.В.Бутков, А.А.Гершун, В.К.Прокофьев, А.И.Стожаров, В.А.Чулановский и др. Так родилась школа академика Д.С.Рожественского.

"В начале исповеди я был довольно спокоен и без некоторого самодовольного чувства выкладывал свой умственный и технический багаж перед профессором, сидевшим в полусгорбленной позе за столом, в таинственном полумраке, слегка навевая мне выражением своих прищуренных глаз, обликом лица и позой неясный образ Мефистофеля, и недаром, так как потом К.К. (доцент К.К.Баумгарт, куратор этих групп — Е.Г.) шутил, что был договор, по которому мы продали свою душу Дмитрию Сергеевичу на полтора года, а может быть, и на всю жизнь..." — так описал Теренин первую встречу со своим будущим руководителем.

Рожественский видел в молодых и неопытных учениках полноправных коллег и поручал им самостоятельные, трудные и актуальные исследования. Теренину он предложил изучить нормальную орбиту электрона в атоме ртути — в качестве дипломной работы. Из опытов Р.Дирле в лаборатории известного канадского спектроскописта Дж.К.Мак-Леннана вытекала возможность существования двух нормальных состояний у атомов ртути, но теоретические представления Д.С.Рожественского были другими и он поручил студенту их подтвердить экспериментально. Выяснить этот вопрос было нелегко, поскольку в те годы не умели фотографировать в инфракрасной области (где лежала линия поглощения атомов ртути). Теренин перерыл всю, хоть и скудную литературу по теме и разработал новый способ регистрации инфракрасного излучения. Он доказал правоту теории своего учителя. А советская спектроскопия, патриархом которой был Д.С.Рожественский, получила нового талантливого ученого. Результаты столь блестящей и самостоятельно выполненной дипломной работы были опубликованы в престижном английском журнале "Nature" в 1921 году, а более подробно — в "Трудах ГОИ" в 1922-м. Это были первые научные публикации А.Н.Теренина... Оглянитесь — много ли студентов на вашей кафедре публикуют сегодня результаты своих дипломных работ в "Nature"?

А.И.Теренин — вольнослушатель Петербургского университета. 1917 г.

Любил рукастых и головастых

Вот как начинали научную работу ученики Теренина:

— Как научный руководитель, Александр Николаевич дал мне тему диссертации "Излучение электрического разряда в молекулярных газах CO и CO₂" Тогда я не очень понимала перспектив этих исследований, — вспоминает старший научный сотрудник кафедры фотоники Наталья Яковлевна Додонова. — Много позже (Теренина уже не было в живых) приезжали две сотрудницы из Москвы, интересовались той давней нашей работой. К тому времени был сделан лазер на инфракрасных лучах, но не на тех длинах волн, с которыми мы работали — поэтому у них что-то не получалось... С Терениным было очень интересно работать: он ставил новые идеи и очень стремился получить новые результаты.

— Когда я пришел на четвертом курсе в лабораторию фотокатализа академика Теренина, первая задача, которую передо мной поставил Ф.И.Вилесов, была сугубо техническая: собрать феррорезонансный стабилизатор, — рассказывает профессор Михаил Евгеньевич Акопян, заведующий кафедрой фотоники. — Федор Иванович мне все объяснил — и каждый раз, приходя на кафедру, я знал, что делать и куда с вопросами обращаться. Тогда этот подход, введенный Терениным в лаборатории, был внове для меня... Кстати, уже через несколько лет подобные приборы мы уже не делали, а просто покупали.

— Александр Николаевич считал, что каждый студент должен получить новое направление исследований, которое сможет начать в курсовой или дипломной работе, а потом развить в аспирантской работе и кандидатской диссертации, — изложил кредо Теренина профессор кафедры общей физики-2 Виктор Львович Рапопорт. — А мое первое задание в лаборатории было: освоить стеклодувную горелку и токарный станок. Потом эти ценные умения пригодились: самостоятельно паял вакуумную стеклянную установку для эксперимента и вытачивал металлические вентили. Для аспирантской работы я от нуля собрал спектральную установку: паял, изготавливал чувствительные датчики, монохроматоры...

Известно, что сам Теренин профессионально работал на токарном станке, был хорошим стеклодувом и кварцевутом. Своим мастерством он покорила старого механика И.К.Малыстрема, подружился с ним и получил свободный доступ в его мастерскую. Многие детали для своих экспериментов Александр Николаевич изготавливал своими руками. В те годы, особенно до войны, это было весьма важно: даже измерительные при-

А. И. Теренин в лаборатории фотохимии. 1946 г.

боры тогда были самодельными. Но внешне простые установки в лаборатории Теренина всегда были передовыми по идее, давали результаты необходимой точности.

— Александр Николаевич очень любил работоспособных и интересующихся, а особенно “рукастых”, это у него была самая высокая оценка, — рассказывает Н.Я. Додонова. — Когда я заканчивала учебу, мой муж (Игорь Георгиевич Михайлов, доцент физфака) на кафедре оптики встретил Теренина и предложил: “Не возьмете ли в свою лабораторию мою жену? Она — токарь VI разряда...”

Наталья Яковлевна считает, что это обстоятельство сильно повлияло, и ее взяли. А токарем Наталья Яковлевна стала во время войны, когда они втроем поступили в ЛГУ в Саратове: она, Ирина Богданова и Татьяна Мейстер. И два года работали токарями в мастерских Саратовского университета — точили втулки и шпильки для автоматов Тульского оружейного завода, с 9 утра до 9 вечера (или с девяти вечера до девяти утра).

Но не тот постоянный изнурительный труд, не голодуху военных лет, а один случай, уже из жизни лаборатории Теренина, до сих пор Наталья Яковлевна вспоминает с ужасом:

— У нас был очень ценный, очень дорогой зарубежный гальванометр Киппа в схеме измерения инфракрасного излучения. И как-то раз у меня прилипла петля к магниту! Теренин жил в том же здании НИХИ, где жила и сейчас живет наша семья, на втором этаже. И каждое утро обязательно обходил все лаборатории в 9 часов, спрашивал: что нового? что случилось? Смотрел, что сделано, что нет, что нужно сделать еще. Он одновременно работал и в ГОИ, у Вавилова замом по науке, и приходил сначала к нам в НИФИ, а потом шел в ГОИ... И вот приходит утром, я и рассказала ему все, чуть не плача. Он внимательно рассмотрел, потом дал деньги, написал записку: “Сходите к мастеру Ивану Сергеевичу — он починит...” Умел прощать человеческие огрехи, если видел интерес к делу...

Великий эмпирик

Рассказывают, что Теренин своими руками все делал сам до 50 лет. Брал с собой термос, бутерброды — и на целый день уходил в лабораторию, где и работал, не отрываясь. Наукой он мог заниматься сколько угодно, сутками. Зная его увлеченность, кто-то из маститых иностранных ученых пошутил: “Теренин сам является образцом материи в возбужденном состоянии...”

А вот административных дел он не любил. И после ухода С.И.Вавилова из ГОИ в Москву (его избрали президентом АН СССР) А.Н.Теренин стал научным руководителем ГОИ — но старался сделать себя недоступным, чтобы не отвлекали от науки.

— Теренин был великим эмпириком, а к теории относился скептически: считал, что объяснить можно всё, а вот получить новые явления в эксперименте — это трудно, — рассказывает В.Л.Рапопорт. — Один из сотрудников спросил его в перерыве лабораторного семинара: “Какова природа такого-то эффекта?” Теренин задумался на минуту и ответил: “Надо поставить такой-то эксперимент. Если будет наблюдаться то-то, значит природа такая, а если вот то-то, значит такая...” Это совершенно необычный ответ, неожиданный, но для него очень естественный. Он был мастер эксперимента, который бы прямо отвечал, какова природа явления. У нас ведь ученые чаще идут от теории явления, а у него эксперимент обгонял теорию — и устанавливал новое!

Исследования А.Н.Теренина по атомной спектроскопии еще в 20-е годы принесли ему широкую известность блестящего экспериментатора, умеющего простые, но оригинальными методами решать принципиальные научные задачи. В.Л.Рапопорт отмечает максимальное количество пионерских качеств у своего учителя: Теренин имел острое чувство новизны, умел четко поставить новые задачи, наметить новые направления исследований, провести решающий эксперимент. Эти свойства позволили ему выполнять научные работы на мировом уровне:

— У Александра Николаевича — два зарегистрированных крупных открытия. Первое — обменно-резонансный перенос энергии (оно было сделано вместе с В.Л.Ермолаевым, тогда — дипломником). А второе — новые принципы спектроскопии (выполнено вместе с Ф.И.Вилесовым и Б.Л.Курбатовым) — исследование по энергиям электронов, вырываемых из молекул, в результате которого мы получаем сведения о глубоких уровнях энергии... Но есть еще ряд пионерских работ, получивших мировое признание. Например, исследование триплетной природы метастабильного состояния органических молекул (1943 г.).

Творческий подход Теренина к науке коллеги сравнивают с работами знаменитого Фарадея в Англии — ленинградский физик вел активный поиск новых направлений в широком спектре (глубоко “влезал” не только в физику явлений, но и в химию, биологию), работал на границе наук, в наиболее сложных, практически неисследованных научных направлениях, создавал целые институты в пограничных областях. Академик А.Н.Теренин в СССР был признанным главой фотохимического направления. Неслучайно один из учеников Александра Николаевича — академик А.А.Красовский возглавлял лабораторию фотобиохимии в Институте биохимии АН СССР (Москва), а другой его ученик, профессор В.В.Евстигнеев возглавил созданный в Пушкино Институт фотосинтеза АН СССР.

Одним из традиционных направлений работы Теренина с 20-х годов было изучение фотоионизации молекул (в послевоенное время его активно развивал Ф.И.Вилесов). Позже А.Н.Теренин выделил развиваемые им направления фотофизики и фотохимии в самостоятельный раздел науки, находящийся на стыке физики, химии и биологии, — фотонику (а не просто ввел новый термин “фотоника”). В 1964 году в НИФИ на базе проблемной лаборатории фотокатализа, которой руководил академик А.Н.Теренин, была основана кафедра биомолекулярной и фотонной физики, а в 1967-м ее переименовали в кафедру фотоники.

— Он изучал процесс разрушения красителей под воздействием солнца и ставил задачу — стабилизировать их. Итоговая монография А.Н.Теренина “Фотоника молекул красителей и родственных соединений” вышла

уже после его смерти, в 1967 году. Это 800 страниц большого формата с огромным числом ссылок. Книга очень широкая по охвату тем, описывает фотохимию и фотофизику многих явлений, — рассказал В.Л.Рапопорт. — Занимался Александр Николаевич также изучением фотосинтеза в зеленых листьях: как из воды, CO₂ и солнечной энергии синтезируются сахара.

— Да, Теренина интересовал очень широкий круг проблем. И эти проблемные вопросы он раздавал своим сотрудникам. Почти каждый из нас изучал отдельную тему, — вспоминает Н.Я.Додонова. — Например, мы с Анной Ивановной Сидоровой занимались абиогенным синтезом — изучали, как из аммиака и других простых газов получаются аминокислоты. Это путь к сложным органическим соединениям и наши исследования напрямую связаны с эволюционной теорией Опарина о происхождении жизни на Земле. Думали даже, не зарегистрировать ли свое открытие (патентный отдел настаивал) — но наверное, струсил. Немецкий ученый Грот сделал то же самое открытие в других условиях, а тогда регистрация открытия с иностранцами не практиковалась.

Корни

Если задаваться вопросами: почему, каким образом сформировалась у Александра Николаевича Теренина широта взглядов в науке, то можно вспомнить, что высокую культуру (не только научную) он впитывал с раннего детства, в семье. Великолепно знал европейские языки: французский как второй родной, плюс английский, немецкий.

Его мать Мария Акимовна Масленникова, дворянка из семьи мелких помещиков, владевших небольшим имением под Петербургом, вышла замуж за своего троюродного брата, калужского купца первой гильдии Николая Васильевича Теренина. Мать Шуры (и еще пятерых детей) была образованной женщиной, прекрасно играла на рояле, владела немецким и французским, интересовалась философией. Отец имел многолетние деловые связи с известным художественным деятелем П.М.Третьяковым и дружил с ним.

Гувернантка-француженка Жанетт Кейзер (ее называли мадемуазель в семье Терениных) прожила у них 26 лет и была очень предана семье. Она обучала детей французскому и английскому языкам, проводила с ними все время... Самый младший из детей, слабый и застенчивый Шура в детстве предпочитал уединение, был вечно занят своими мыслями. Лишь его сестра Ольга была участником его игр. Опасаясь за здоровье сына, мать долго не хотела отдавать его в школу — преподавательница ходила к нему домой, быстро обучив Шуру читать, писать и считать. Лишь в 1907 году, в 11 лет, Шура Теренин выдержал сложный конкурс, сдав экзамены по русскому языку, арифметике и закону божьему, и поступил в казенное Калужское реальное училище — на год-два позже своих сверстников.

В юности Теренин хотел глубоко постичь все области человеческого знания и искусства. С глубоким огорчением сожалел, что не может вместить всего и ему придется специализироваться. Такие великаны, как Ломоносов и Леонардо да Винчи, всецело владели его вниманием. “Сколько нужно перечитать интересных книг, а времени нет!” — с грустью отмечал он. И тут же давал себе обещание быть эрудитом. Еще в 4-5-х классах он начал составлять своего рода энциклопедию из собственных воззрений и мыслей.

В 1912 году он начал вести дневник, который открыл словами: “Наука — вот моя религия!” Этот лозунг, провозглашенный 16-летним юношей, стал сутью всей жизни академика А.Н.Теренина... Глубоко верующей в семье была только Мария Акимовна, но она не слишком настаивала на религиозном воспитании детей,

считая, что вера должна придти к ним сама. Николай Васильевич религию не отрицал, но к обрядам относился формально. А дети религиозными не стали. Александр писал в своем дневнике, что “нравственность может существовать и без религии. Религия есть возбуждательница и хранительница нравственности только при низкой степени культуры, так как она воздействует мерами дисциплинарными... Человек науки не нуждается в этих дисциплинарных воздействиях, чтобы уважать другого человека”.

В классе Александр Теренин считался вторым учеником, его уважали. Он проявил свои интересы к истории, математике, химии, физике. На занятиях физического кружка, которыми руководил учитель Александр Онуфриевич Киселев, будущий знаменитый спектроскопист провел свое первое спектроскопическое исследование. Шура Теренин получил задание: на стареньком спектроскопе исследовать спектр излучения разрядной трубки, наполненной гелием. Под воздействием тока гелий, по мнению учителя, должен был превращаться в водород — и тогда в спектре будут видны линии водорода. Теренин самостоятельно решил зафиксировать спектр на фотопластинке. И как же он обрадовался, когда на снимках появились спектральные линии водорода! Но позже выяснилось, что водород получался не из гелия, а из капелек воды, адсорбированных на стенках трубки. С того времени Александр Николаевич получил урок, как тщательно надо продумать эксперимент и интерпретировать результаты.

“Книга — это алмаз...”

Тогда же, в детстве, у него появилась страсть к книгам. Он испытывал особое удовольствие, когда по-

Освоение слалома. Кавголово 60-е годы

любившаяся ему книга была хорошо издана. Считал, что "книга — это алмаз, который теряет свой блеск, если он не в оправе" и мечтал "составить громадную и роскошную библиотеку". Он относился к книгам очень бережно и никогда не делал в них пометки. По его мнению, это все равно что прибавить собственный мазок к картине другого художника. Александр перефразировал известное изречение и записал: "Покажи мне свои книги, и я скажу тебе, кто ты".

— В его домашнем кабинете стояли два дивана и два стола (для ГОИ и для университета) — и на них горы книг, оттисков, диссертаций, — отметила Н.Я.Додонова. — Его помощница в ГОИ со знанием трех языков выписывала из зарубежных и советских научных журналов темы научных работ на карточки, перепечатывала аннотации из реферативных журналов. Александр Николаевич во время своего традиционного утреннего обхода раздавал эти карточки своим аспирантам и научным сотрудникам. Сам он всегда был в курсе всех исследований по широкому кругу тем.

— Да, Александр Николаевич активно следил за научной литературой, — подтвердил В.Л.Рапопорт. — А как-то, помню, приехал из Москвы — с юбилея Н.Н.Семенова, Нобелевского лауреата, — и говорит удивленно: "Да он же литературы не знает!.." И еще случай был: послушав Теренина, один из профессоров в США ахнул удивленно: "Ай да академик — все знает!"

От курсовой до кандидатской

Коллеги отмечают, что у Александра Николаевича была масса идей, которые он реализовывал с молодыми сотрудниками, с аспирантами, даже со студентами. Он любил студентов интересующихся, отбирал по энтузиазму. И все ученики Теренина, понятное дело, великолепно владели экспериментальной техникой.

— Поразительная черта была у Александра Николаевича, — разводит руками М.Е.Акопян. — В его многочисленных коллективах работало не меньше сотни человек. И он прекрасно знал, кто чем занимается в данный момент — даже со студентами разговаривал, общался, обсуждал результаты работ, карточки из реферативного журнала разносил... Для меня это было очень удивительно, а для него — естественно. И в то же время он не подавлял своим авторитетом, развивал самостоятельность и творческий подход в своих учениках.

— Тогда считалось, что в срок защищаться не стоит, это несерьезно — а нужно 5-7-10 лет делать свою кандидатскую диссертацию, если направление новое, — вспоминает В.Л.Рапопорт. — У Теренина была группа, с которой он тесно работал, знал все детали экспериментов. Аспиранты были основным двигателем его исследований, он задавал каждому направление дальнейшей работы — выводил их "на орбиту", а потом устраивал куда-то на самостоятельную работу.

— Александр Николаевич пользовался колоссальным авторитетом, на еженедельных семинарах честно и достаточно сурово высказывал свое мнение о работах сотрудников, — продолжает М.Е.Акопян. — Приводил в лабораторию даже школьников. И сегодня на кафедре много сотрудников, которые начинали работать с Терениным еще со школьной скамьи.

Эти сотрудники наверняка помнят о "Теренинской пробе". Когда к нему приходили новички, он всех их испытывал. Чаще всего — давал кусок медной проволоки и просил сделать подставку для пробирки. И на таком простой, вроде бы, работе сразу было видно. Как человек думает, как руками работает.

— В конце жизни Александр Николаевич поручил мне организацию учебно-исследовательской лаборатории по молекулярной биофизике, в которой работали студенты, — рассказывает В.Л.Рапопорт. — Когда

он заболел и лежал в больнице в Москве, мы с ним интенсивно переписывались. Как-то я его спросил: какие темы давать заканчивающим студентам для аспирантских работ? В ответ, в письме от 11 января 1967 года, он сформулировал заповеди — знаменитые теренинские заповеди, как нужно работать...

Вот они.

"Основными заповедями в постановке научных (поисковых) работ я считаю следующие и уверен, что Вы с ними согласитесь:

Не делай того, что делают другие исследователи. Делай не так, как делают они, но делай чисто.

Смотри во время исследования в оба (павловское — "внимание, внимание и еще раз внимание!").

Читай, но не слишком много, иначе тебя не будут читать (перефраз немецкого: "Wer zu viel liest, wird nicht gelesen").

Не пренебрегай отрицательным результатом, если он получен чисто.

Не стремись свои результаты втискивать в придуманное объяснение до однозначной решающей проверки.

Такие элементарные правила надо внедрять в головы студентов, работающих в лаборатории, и не только студентов..."

В том же письме, кстати, Теренин пишет: "Посылаю список тем курсовых, дипломных и аспирантских... Я не различаю градаций, так как если студент толковый, то исследовательское начальное задание он потом, расширив, доведет до кандидатской диссертации..." И опять вопрос, уже к современным исследователям (не только физикам): из многих ли курсовых работ выросли полноценные кандидатские?

Школа

Профессором ЛГУ Теренин был с 1932 года. Его лекции по оптике и спектроскопии пользовались успехом у студентов — поскольку преподносили им новейшие достижения науки, сопровождалась множеством интересных демонстраций.

— Этому немало способствовало обаяние личности Александра Николаевича, всегда бодрого, аккуратного, жизнерадостного, — считает М.Е.Акопян. — Он был исключительно доброжелателен к людям, с которыми работал.

— Не помню, чтобы Теренин сердился. Но помню, как мальчишкам-студентам он деньгами помогал, — рассказывает Н.Я.Додонова. — Приезжал к нам как-то английский физик Джордж Портер, лауреат Нобелевской премии, — в самый раз попал на 8 марта и был приглашен на чай с пирогами. Так Александр Николаевич — протсой он был — и меня позвал пообедать вместе с англичанином в "восьмерке". А я отказалась — не могу, дескать, дети ждут. Теперь жалею... А когда в 1996 году праздновали 100-летие со дня рождения А.Н.Теренина, основной доклад делал именно Джордж Портер.

— Общаться с Терениным было очень интересно, это всегда был праздник! — вспоминает В.Л.Рапопорт. — Он умел заразить колоссальной радостью исследований, своим отношением к науке, увлеченностью.

Коллеги отмечают необычайную готовность Теренина помочь — не только к сотрудникам своих лабораторий, но и ко всем, кто обращался к нему за консультациями. Не случайно многие советские ученые, никогда не работавшие под его руководством, считают себя его учениками. Научная школа А.Н.Теренина включает тысячи его последователей. Среди них — академики и члены-корреспонденты, профессора и доктора и кандидаты наук.

Евгений ГОЛУБЕВ

Фото из архива В.Е.ХОЛМОГОВОРА